

М. Г. Пономарёва

Своеобразие исторического дискурса в романе Н. А. Полевого «Клятва при Гробе Господнем»

В статье определяется объем понятия «исторический художественный дискурс», показано своеобразие соотношения романного и фактографического материала в романе Н. А. Полевого «Клятва при Гробе Господнем». Определены не только историческая основа сюжета, но и способы представления исторических событий, персонажей и ментальных моделей прошлого в тексте. В работе мотивируется усиление в романе хроникального начала.

Ключевые слова: исторический художественный дискурс, исторический роман, ментальная модель, хроникальность, Н. А. Полевой, «Клятва при Гробе Господнем».

M. G. Ponomariova

Originality of the Historical Discourse in N. A. Polevoy's Novel “the Oath at the Holy Sepulchre”

In the article the concept extent “the historical art discourse” is defined, the originality of a parity of the novel and factographic material in N. A. Polevoy's novel “the Oath at the Holy Sepulchre”. Are defined not only a historical basis of the plot, but also ways of representation of historical events, characters and mental models of the past in the text. In this work the strengthening in the novel of the chronicle beginning is based.

Keywords: a historical art discourse, the historical novel, mental model, chronology, N. A. Polevoy, “the Oath at the Holy Sepulchre”.

Понятие «исторический дискурс» неоднократно встречается в современной исследовательской литературе. Французский ученый Реймон Арон отмечает: «Дискурс историка состоит из предложений, повествующих о событиях и их взаимосвязи» [8, с. 261]. Н. М. Елуфимова выносит это понятие в заглавие кандидатской диссертации – «Российское крестьянство второй половины XIX – начала XX века: *исторический дискурс* литературных источников» [2]. В работе рассматриваются журнальные публикации и произведения второстепенных писателей «как самостоятельные художественно-социологические исследования», посвященные проблемам жизни крестьян. Эти тексты интересуют Н. М. Елуфимову в силу их способности аккумулировать в себе «функции множества явлений культуры» [2]. Автор диссертации ищет в них приметы «повседневного бытия «безмолвствующего большинства», связанные во многом с особенностями менталитета самой многочисленной в недавнем прошлом социальной группы», что по сути дела ведет к недооценке специфики художественного дискурса. Исторический дискурс в этом случае понимается как фактологическая основа художественного нарратива.

В кандидатской диссертации Д. А. Марковой «Постмодернистский *исторический дискурс* рус-

ской литературы рубежа XX–XXI веков и его истоки» [6] исследуемое понятие тоже становится предметом пристальной авторской рефлексии. Однако в работе это понятие с уже менее четко определенными границами. Это совокупный историографический текст, тесно связанный с традицией восприятия того или иного события, и модель его переосмысления в художественном произведении.

Однако эти два варианта понимания исторического дискурса не вступают в противоречие, а взаимодополняют друг друга, так как рассматривают 2 взаимосвязанных его элемента – фактическую составляющую и созданную на ее основе авторскую версию событий.

Ю. В. Шатин вполне справедливо проводит разграничения между историографическим письмом и историческим дискурсом: «Историографическое письмо, превращаясь в дискурс, преодолевает индивидуальные системы тексто-порождения, формирует устойчивые конструкты, обладающие большой инерционностью. Признаками складывания исторического дискурса можно считать преодоление жанровых рамок и появление эпигонских повторов... Граница между письмом и дискурсом пролегает в области измерений и может быть уподоблена соотношению плоскостных и объемных фигур. Объем истори-

ческому дискурсу придает “захватывание” им сфер, прямо не относящихся к историографии и не только не связанных с концептуальными построениями историков, но в какой-то мере эти построения формирующих» [9].

Исторический дискурс отражает не столько позицию какого-либо историографа, сколько устойчивый образ (или ментальную модель) исторического события. В этом смысле фактической основой является не весь объем исторических фактов, взаимосвязанных друг с другом. Говоря об особенностях исторического нарратива XX века, Ю. В. Шатин приводит такой пример: «Как известно, Суворов окончательно разгромил восставших под руководством Емельяна Пугачева казаков. Нарратив развел двух героев, сохранив за Суворовым переход через Альпы, а за Пугачевым функцию защитника интересов простого народа» [11]. В рамках исторического дискурса происходит подобное же перераспределение материала, проводятся новые разграничения между двумя взаимосвязанными фактами, что в итоге и приводит к тому, что организующим центром исторического дискурса отдельного события становится историческая личность или противостояние двух исторических личностей (отсюда и появление «белых пятен» в истории, это те факты, которые остались за пределами исторического дискурса).

Дискурсивность по отношению к историографическим сочинениям является скорее негативной характеристикой, хотя это и есть следствие объективных процессов, управляющих сознанием человека (именно так и появляются исторические мифы). В историографическом тексте «всякое усиление дискурсивного начала, как мы знаем, усиливает авторское присутствие в тексте и, напротив, ослабление его превращает текст в чистый нарратив, где присутствие лиц в рассказе обнаружить невозможно» [11].

Но эта закономерность не работает столь же прямолинейно в художественном тексте, для которого характерно постоянное взаимодействие исторического дискурса и художественного. Происходит постоянное взаимодействие между «элементами» вымышленного и исторического повествования. Более того, меняется причинно-следственная связь между отдельными фактами: в логику исторического дискурса вторгается логика построения художественного нарратива. Более того, состав и структура исторического художественного дискурса во многом могут быть предопределены или связаны с теми про-

цессами, которые происходят во внетекстовой реальности. Исторический художественный дискурс, может быть, как никакой другой зависим от экстралингвистических факторов. И только в том случае, когда все эти факторы будут рассмотрены в системе и в полном объеме, станет возможно говорить о своеобразии собственно исторического дискурса. Таким образом, целью данной статьи является исследование характера взаимопроникновения исторического и художественного дискурсов в рамках центрального исторического романа в творчестве Н. А. Полевого «Клятва при Гробе Господнем».

«Клятва при Гробе Господнем» – первый исторический роман Н. А. Полевого, в целом благоприятно встреченный читателями. Внешне произведение как будто и не связано с событиями 1832 г., в котором оно было издано (наверное, поэтому этот вопрос обошли своим вниманием и все литературоведы). Даже непонятно, почему в условиях усиливающейся реакции писатель делает центральным героем Дмитрия Шемяку – князя, во многом незаслуженно пострадавшего от историков, для которых его имя стало нарицательным, обозначающим человека, вершавшего несправедный суд. Этот герой настолько значим для писателя, что он вернулся к вопросу о «шемякином суде» в сборнике «Повести Ивана Гудышника», вышедшем в 1843 г.

Одним из первых Н. Полевой высказывает мнение о том, что выражение «шемякин суд» не связано с реальным историческим лицом и появилось намного позднее того времени, когда жил князь Дмитрий Шемяка. Как указывает академик А. А. Зимин [3, с. 157], Н. М. Карамзин при непосредственном отождествлении имени князя Дмитрия Шемяки и выражения *шемякин суд* ссылается на показания неизвестного нам Хронографа, говоря, что «от сего убо времени в Велицей Руси на всякого судью и восхитника во укоризнах прозвася Шемякин суд» [4, т. 5, примечание 338]. Последним, кто считал, что в повести «сохранилось воспоминание о тяжелых для населения порядках, установившихся при Шемяке (взятничество, вымогательство, притеснение судьями населения)», был Л. В. Черепнин [10, с. 800–801]. Вместе с тем И. П. Лапицкий убедительно доказал, что «Повесть о Шемякином суде» – памятник, сложившийся не ранее второй половины XVII века» [3, с. 157]. Роман о Дмитрие Шемяке, думается, не только направлен против Н. М. Карамзина, как и «История русского народа», но и указывает на те события отече-

ственной истории, которые Н. А. Полевой считал ключевыми. Писатель не принял, конечно же, центральной идеи «Истории государства Российского» относительно постепенного усиления Московского княжества, так как для него большим трагизмом отличалась судьба Суздальских князей, которые были побеждены благодаря коварству и интригам москвичей.

Исторической основой романа стали события, происходившие между 1433 и 1441 г. Это кульминационные годы борьбы за Великокняжеский престол между Василием Васильевичем (внуком Дмитрия Донского) и Юрием Дмитриевичем (братом Дмитрия Донского). Завязкой исторического сюжета становится свадьба Василия Васильевича и Марии Ярославны, на которой произошла ссора между Софьей Витовтовной (матерью Василия Темного) и Василием Косым (сыном Юрия Дмитриевича), якобы надевшем украденный ранее богатый пояс. Как отмечает К. П. Ковалёв-Случевский, «не только “срывание пояса”, но даже простой намек на то, что кто-то из Юрьевичей его украл или просто присвоил, означал сильнейшее оскорбление» [5, с. 313].

Датировать точное время окончания действия тоже нетрудно: сам Полевой говорит о 1441 г. Судя по летописям, примирение Василия Васильевича и Дмитрия Шемяки, совершенное игуменом Зиновием Троицким, произошло именно в 1441 г. [3, с. 95]. В последних главах писатель говорит о пребывании героя в Новгороде, хотя у историков по этому поводу единого мнения нет: точно установлено, что в 1441–1442 гг. Дмитрий Шемяка отправлял послов в Новгород с просьбой принять его на княжение, но при этом А. А. Зимин утверждает, что «скорее всего князь Дмитрий в Новгород так и не приехал» [3, с. 95], а В. Л. Янин говорит, что в Новгород князь прибыл лишь в 1444 г. [12, с. 193]. Однако если учесть, что в летописях нет ни одного упоминания о Дмитрие Шемяке с 1441 по 1445 г., то такая «поэтическая вольность», как совмещение двух событий – примирение с Василием и пребывание в Новгороде, вполне возможна.

Писатель подробно описывает многие исторические события, которые произошли в промежутке между 1433 и 1441 гг. и в которых принимали участие его персонажи: 1433 г. – постриг Константина Дмитриевича, 1434 г. – провозглашение Василия Косого великим князем, 1436 г. – свадьба Дмитрия Шемяки и Софьи Дмитриевны, дочери Заозерского князя, осень 1437 г. – битва между Василием и Улу-Мухаммедом под Беле-

вом и т. д. Однако не меньшей плотностью исторических событий характеризуются и упоминания о предшествующих эпохах – прежде всего, XIV и начало XV в. Возможно даже выявить несколько типов исторических событий, интересующих писателя.

Прежде всего, это взаимоотношения русских князей с татарами и императорами Византии. Упоминания о набегах на Москву Тохтамыша и Эдигея, об истории Литовского княжества сопровождаются рассказом о смерти византийского императора Константина и смысле пророчества, написанного на могильном камне: «...от полуночи изыдет князь Михаил и победит все народы: полуночь означает Русь, и в Руси родится князь Михаил» [7, с. 63]. Столь широкий исторический контекст не позволяет автору обособить, локализовать отдельное событие национальной истории, так как оно оказывается «звеном» в бесконечной череде взаимосвязанных и обуславливающих друг друга фактов. Такой эпический размах не был характерен для романов других авторов. Кроме того, показательно, что в художественное повествование «переплавляются» прежде всего события, связанные с византийской историей, что создает непривычный колорит в воссоздании отечественной истории середины XV века.

В предисловии к роману Н. Полевой пишет: «Россия – картина, большая часть которой загнута под раму!» [7, с. 8]. «Русская быль» (так определяет жанр «Клятвы при Гробе Господнем» автор) связана многими нитями с «византийскими легендами» (отметим, что одна из них («Иоанн Цимисхий») написана на материале византийской истории, а вторая («Пир Святослава Игоревича, князя Киевского») – древнерусской). А. А. Бестужев-Марлинский так отзывается о романе «Клятва при Гробе Господнем»: «Ему вспало на ум: досказать русскую историю – повестью... так сказать показать подборкой княжеской мантии, распоясать крестьянина, растворить ум и сердце русского народа и заставить там причину событий в едва заметном зерне».

Русские князья интересуют Полевого не только как воины, стратеги, понимающие перспективы развития их княжества, но и как обычные люди, которые имеют право влюбляться, ревновать и т. д. А потому, например, подробно описанная в летописях свадьба Василия Васильевича дополняется рассказом о лишь упомянутой в них же свадьбе Дмитрия Шемяки и Софьи Дмитриевны. И если в исторических источниках эти

князя традиционно рассматриваются как антагонисты, то в романе их противостояние перестает быть в фокусе романного нарратива. Повествование приобретает черты хроники, так как даже любовная интрига становится элементом масштабного исторического полотна, а судьбы многих персонажей выглядят недосказанными. История перестает быть поединком двух сильных личностей и становится многогеройной, а романский нарратив подчинен логике развития исторического дискурса.

Отличительной чертой исторического романа Н. А. Полевого является и то, что действующие лица сами прекрасно ориентируются в происходящем, что дает им возможность интриговать. Боярин Иоанн Дмитриевич Всеволожский так объясняет причины обиды на князя Василия Васильевича: «...дочь мою оттолкнули от святого наоя, где рука ее готова была соединиться с рукою Великого князя; гордая литвянка, мною спасенная, и этот восковой князик, которому я сохранил венец и престол московский, выгнали жену мою из дворца княжеского... И мне было терпеть это посрамление, мне, *опоре княжества Московского, сорок лет бывшего душою советов?*» Всеволожский – и герой романа, и его прототип – привыкли видеть себя в центре событий. Своекорыстный боярин утверждает, что «не жалел живота за неблагодарный род» [7, с. 43–44]. Василия Васильевича, на самом же деле он готов служить тому, кто его возвысит и даст денег, поэтому сначала – и вполне успешно – ведет борьбу с князем Юрием Дмитриевичем и его детьми, а потом становится на их сторону. Кроме того, боярина один из героев (Басенок) не зря называет «двуязычным», намекая на его отношения с татарами. На какой-то момент союзником боярина станет и Иван Гудочник, что лишнее раз доказывает бессилие человека перед лицом истории, не подчиняющейся ему.

Пытается управлять событиями и Иван Гудочник. После падения Суздальского княжества и паломничества в Иерусалим он участвовал в обороне Новгорода, жил в Литве, Угличе и Галиче. Для одних он Иван Гудочник, для других – Иван Паломник, для Софьи Витовтовны – «природный литвин» и колдун, для Марфы Борецкой – Иван Феофилович. Боярин Иоанн удивляется его способности появляться всегда в нужное время в нужном месте: «...судя по твоим делам, можно подумать, будто у тебя еще две головы в запасе, кроме той, которая на плечах: колдун, Гудочник, Паломник» [7, с. 193]. Для Ивана Гу-

дочника пространство как будто обладает «сверхпроводимостью». Он готов поддержать любого князя, который пообещает ему вернуть наследство Суздальским князьям: «Я не раб Московского князя – я жилец целого мира, и раб тому... *кто враг Московскому Князю*» [7, с. 336]. Постепенно он становится «ходатаем» за все княжества, испытывавшие притеснения со стороны Московского князя. Иван Гудочник живет клятвой, желанием ее исполнить, но и его интриги не могут свести воедино все нити повествования.

В сюжете может быть выделена еще одна смысловая доминанта – акцент на событиях, связанных с притеснением православной веры и демонстрацией ее могущества. Достаточно вспомнить об осаде Новгорода, когда пушка, направленная на святую церковь, разорвалась на куски, рассказы героев о паломничестве в Иерусалим или крестовых походах. Раньше сотни рыцарей, благочестивых князей, как замечает Иван Гудочник, «давали обет умирать за Гроб Господен». А вот Юрию Долгорукому было предсказано править в Москве, но, невзлюбив этот город, он долго воевал за Киев. «Но мудрого человека слова мимо не молвятся». Князь долго невольно сопротивлялся этому пророчеству, но в конце концов его потомки вынуждены были смириться: «... только в седьмом колене Господь простил прегрешение Юрия и дал Димитрию Иоанновичу силу и победу, послал ему Святителя Сергия и утвердил в роде его Великое Княжество. Велика бы теперь была Москва и Русь, если бы не прегрешил Юрий и да не сделали двух великих грехов его потомки, едва только простил Господь прегрешение предков!» [7, с. 69].

М. А. Горбатов отмечает «высокую степень концентрации произведений, мотивов, образов устнопоэтического творчества и древнерусской литературы в идейно-художественном пространстве» романа Н. Полевого «Клятва при Гробе Господнем» [1, с. 4], объясняя несколько формально этот феномен тем, что, связанные с сюжетным движением, «народные песни способствуют формированию эмоциональной атмосферы повествования, его психологизации, углублению во внутренний мир персонажей» [1, с. 8] и «воссозданию «местного колорита» [1, с. 7]. Однако очевидно и то, что этот литературный фон необходим, чтобы продемонстрировать душевную чистоту представителей народа. Крестьяне, горожане и княжеские слуги неоднократно будут давать негативные оценки действиям бояр и князей, они как будто интуитивно чувствуют Боже-

ственный Промысел («народный силлогизм истории»), но не готовы еще открыто действовать.

В историческом процессе сталкиваются воли отдельных людей, но каждый из них незримо препятствует или содействует Божественному Промыслу. Предсказать будущее и понять настоящее способны далеко не все. «Только избранным, только смиренномудрию ума дал он познание тайны: всем другим сделалась она непостижимой» (Обозрение 1846, XXVIII). В романе «Клятва при Гробе Господнем» таким знанием, пожалуй, не наделен никто.

В историческом дискурсе романа Н. Полевого представлены две модели исторического процесса – различные, но не исключающие друг друга. С одной стороны, человек показан непосредственным творцом истории, с другой – его поступками управляет Божественный Промысел, который может реализовываться только через «деяния» людей и может быть выявлен только тогда, когда само «историческое событие», охватывающее порой достаточно длительный промежуток времени, совершилось полностью.

Таким образом, в «Клятве при Гробе Господнем» исторический дискурс подчиняет себе романное повествование, что создает новый, не сводимый к вальтер-скоттовскому, тип исторического романа. Исторический материал не выводится в описательные вставки, а становится «зерном» развития романной интриги – не только любовной, но и связанной с действиями Ивана Гудочника, снимаются акценты с романских элементов сюжета (кульминации или развязки). Вымысел в равной степени пронизывает историческое (фактографическое) и романное повествование. Именно романизация (хотя и сильно ограниченная) исторического материала должна убедить читателей в бескорыстности помыслов Дмитрия Шемяки, старавшегося по возможности избежать участия в интригах. Жизнь героев произведения получает дополнительное измерение – историческое. Ментальные модели исторического процесса, наряду с уже традиционным использованием фольклорных источников, теперь характеризуют большинство участников событий.

Библиографический список

1. Горбатов, М. А. Фольклоризм русского исторического романа рубежа 1820–1830-х гг.: М. Н. Загоскин и Н. А. Полевой [Текст] : АКД / М. А. Горбатов. – Саратов, 2009.
2. Елуфимова, Н. М. Российское крестьянство второй половины XIX – начала XX в. : исторический дискурс литературных источников [Текст] : АКД / Н. М. Елуфимова. – Балашиха, 2005.
3. Зимин, А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV века [Текст] / А. А. Зимин. – М. : Мысль, 1991.
4. Карамзин, Н. М. История государства Российского [Текст] : в 3 кн. С приложением «Ключа» П. М. Строева. Репринтное воспроизведение 5-го изд. / Н. М. Карамзин. – М. : Книга, 1988–1989.
5. Ковалёв-Случевский, К. П. Юрий Звенигородский. Великий князь Московский [Текст] / К. П. Ковалёв-Случевский. – М. : Молодая гвардия, 2008.
6. Маркова, Д. А. Постмодернистский исторический дискурс русской литературы рубежа XX–XXI веков и его истоки [Текст] : АКД / Д. А. Маркова. – М., 2004.
7. Полевой, Н. А. Клятва при Гробе Господнем [Текст] / Н. А. Полевой. – М. : Профиздат, Товарищество «Возрождение», 1992.
8. Реймон, А. Избранное: измерения исторического сознания [Текст] / А. Реймон – М., 2004.
9. Троицкий, Ю. Историографическое письмо как дискурсивная практика [Текст] / Ю. Троицкий, Ю. В. Шатин // Дискурс. – 1998. – 5/6. – С. 60–65.
10. Черепнин, Л. В. Объединение русской земли вокруг Москвы [Текст] / Л. В. Черепнин // История СССР / под редакцией М. В. Нечкиной, Л. В. Черепнина и др. – Т. II. – М., 1966. – С. 800–801.
11. Шатин, Ю. В. Исторический нарратив и мифология XX столетия [Текст] / Ю. В. Шатин // Критика и семиотика. – Вып. 5. – Новосибирск, 2002. – С. 100–108.
12. Янин, В. Л. Очерки комплексного источниковедения [Текст] / В. Л. Янин. – М. : Высшая школа, 1977.